

229. Обязательство договориться о доступе к Тихому океану (Боливия против Чили)

Решение от 1 октября 2018 года

1 октября 2018 года Международный Суд вынес свое решение по делу *Обязательство договориться о доступе к Тихому океану (Боливия против Чили)*. В своем решении Суд постановил, что Республика Чили не брала на себя правового обязательства договариваться о суверенном доступе Многонационального Государства Боливия к Тихому океану и отклонил соответственно другие заключительные представления, направленные Многонациональным Государством Боливия.

Суд заседал в следующем составе: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Робинсон, Геворгян, Салам; судьи ad hoc Доде, Макрей; Секретарь Куврёр.

*
* * *

Процессуальная основа (пункты 1–15)

Суд напоминает, что 24 апреля 2013 года Многонациональное Государство Боливия (далее — «Боливия») подало в Секретариат Суда заявление о возбуждении дела против Республики Чили (далее — «Чили»), касающегося спора в отношении «обязательства Чили проводить добросовестным и действенным образом переговоры с Боливией, с тем чтобы достичь соглашения, предусматривающего предоставление Боливии полного суверенного доступа к Тихому океану». 15 июля 2014 года Чили подало предварительное возражение относительно юрисдикции Суда. Своим решением от 24 сентября 2015 года Суд отклонил предварительное возражение, поданное Чили, и постановил, что он обладает юрисдикцией для рассмотрения заявления на основании статьи XXXI Боготского пакта. Открытые слушания были проведены с 19 марта по 28 марта 2018 года.

I. Историческая справка и обстоятельства дела (пункты 16–83)

Учитывая важность исторического контекста этого спора, Суд начинает с рассмотрения некоторых событий, имевших место в отношениях между Боливией и Чили.

1. События и договоры до 1904 года, включая Договор о передаче 1895 года (пункты 19–24)

Чили и Боливия получили независимость от Испании в 1818 и 1825 годах, соответственно. На момент обретения независимости протяженность береговой линии Боливии вдоль Тихого океана составляла более 400 км. 10 августа 1866 года Чили и Боливия подписали Договор о территориальных границах, в соответствии с которым между этими двумя государствами была установлена демаркационная линия, разделявшая их тихоокеанские прибрежные территории. Граница была подтверждена Договором о границах от 6 августа 1874 года. 5 апреля 1879 года Чили объявило войну Перу и Боливии. В ходе этой войны, получившей название Тихоокеанской, Чили оккупировало прибрежную территорию Боливии. Боливия и Чили положили конец военным действиям между ними подписанием 4 апреля 1884 года в Вальпараисо (Чили) Пакта о перемирии. В

соответствии с положениями Пакта о перемирии предусматривалось, в частности, что Чили продолжит управлять прибрежным районом Боливии. Подписанный 20 октября 1883 года Мирный договор между Чили и Перу (также известный как «Анконский договор») официально положил конец военным действиям между Чили и Перу. В соответствии со статьей 2 Анконского договора Перу уступило Чили прибрежную провинцию Тарапака. Кроме того, на основании статьи 3 территории провинций Такна и Арика оставались во владении Чили в течение десяти лет, после чего должен был быть проведен плебисцит для окончательного определения суверенитета над этими территориями. 18 мая 1895 года Боливия и Чили подписали три договора: Договор о мире и дружбе, Договор о передаче территории и Договор о торговле. В Договоре о мире и дружбе был подтвержден суверенитет Чили над прибрежной территорией, которой оно управляло на основании Пакта о перемирии от 4 апреля 1884 года. В соответствии с Договором о передаче территории Боливия и Чили договорились, в частности, что территории Такна и Арика будут переданы Боливии, если Чили получит над ними «власть и постоянный суверенитет» либо путем прямых переговоров, либо путем плебисцита, предусмотренного в Анконском договоре 1883 года. Если Чили не получит эти две территории, то, согласно статье IV Договора о передаче территории, Чили уступит Боливии определенную территорию. За этими тремя договорами последовали четыре протокола. В ходе обмена нотами от 29 и 30 апреля 1896 года была достигнута договоренность, что эти три договора от 18 мая 1895 года должны вступить в силу при условии, что конгрессы и Чили, и Боливии одобряют протокол о сфере действия обязательств по договорам от 18 мая 1895 года, в которых уточнялись обязательства, принятые Сторонами. Поскольку это условие так и не было выполнено, все три договора от 18 мая 1895 года так и не вступили в силу.

2. *Мирный договор 1904 года* (пункт 25)

Договор о мире и дружбе от 20 октября 1904 года (далее — «Мирный договор 1904 года») официально положил конец Тихоокеанской войне между Боливией и Чили. Согласно положениям его статьи II территория, оккупированная Чили в соответствии с Пактом о перемирии 1884 года, была признана «абсолютно и навсегда» принадлежащей Чили, и вся граница между этими двумя государствами была делимитирована. Статья III предусматривала строительство за счет Чили железной дороги между портом Арика и плато Ла-Пас, которая была введена в эксплуатацию 13 мая 1913 года. Согласно статье VI Чили предоставляло Боливии «на неограниченный срок самое широкое и свободное право коммерческого транзита через свою территорию и через свои тихоокеанские порты». На основании статьи VII Договора Боливия имела «право учредить таможенные ведомства в портах, которые она обозначит для своей торговли» и указала в этих целях порты Антофагаста и Арика.

3. *Обмены мнениями и заявления в 1920-х годах* (пункты 26–46)

A. *Протокол 1920 года* (пункты 26–31)

10 января 1920 года министр иностранных дел Боливии и полномочный министр Чили встретились в Ла-Пасе, чтобы обсудить, в частности, вопросы, касающиеся доступа Боливии к морю, и задокументировали серию встреч в письменном виде. Стороны называют этот документ «Протоколом».

В. Последующие обмены мнениями (1920–1925 годы) (пункты 32–41)

Начиная с ноября 1920 года Боливия добивалась пересмотра Мирного договора 1904 года через посредство Лиги Наций на основании статьи 19 Версальского договора, которая гласит следующее: «Ассамблея может... рекомендовать членам Лиги пересматривать договоры, ставшие неприменимыми». Эта просьба была признана Комиссией юристов неприемлемой, поскольку изменять договоры уполномочены только договаривающиеся государства, а не Ассамблея. 8 сентября 1922 года боливийский делегат проинформировал Генерального секретаря Лиги Наций о том, что Боливия подтвердила сохранение за собой права подать запрос о проведении «пересмотра или обзора» Мирного договора 1904 года и что переговоры с Чили оказались «безрезультатными». В 1922 и 1923 годах параллельно с попытками пересмотра Мирного договора 1904 года Боливия продолжала вести прямые переговоры с Чили в целях получения суверенного доступа к Тихому океану. Арбитражным решением 1925 года президент Соединенных Штатов Калвин Кулидж изложил условия плебисцита по вопросу о Такне и Арике, предусмотренного в статье 3 Анконского договора.

С. Предложение Келлога 1926 года и Меморандум Матте 1926 года (пункты 42–46)

30 ноября 1926 года государственный секретарь Соединенных Штатов Америки г-н Фрэнк Б. Келлог представил Чили и Перу предложение по вопросу о суверенитете над провинциями Такна и Арика. Согласно указанному предложению Чили и Перу должны были уступить Боливии на бессрочной основе все права, титулы и интересы, которые они могут иметь в провинциях Такна и Арика, при условии предоставления надлежащих гарантий защиты и сохранения без какой-либо дискриминации личных и имущественных прав всех жителей провинций независимо от их гражданства. 2 декабря 1926 года министр иностранных дел Боливии направил письмо полномочному посланнику Соединенных Штатов Америки в Ла-Пасе, в котором он заявил о том, что Боливия полностью принимает предложение Келлога. В меморандуме от 4 декабря 1926 года (известном как «Меморандум Матте») на имя государственного секретаря Соединенных Штатов Америки министр иностранных дел Чили заявил, что предложение Келлога выходит далеко за рамки уступок, на которые готово пойти правительство Чили, поскольку оно предусматривает передачу чилийской территории. В меморандуме от 12 января 1927 года министр иностранных дел Перу информировал государственного секретаря Соединенных Штатов о том, что правительство Перу не приняло предложение Соединенных Штатов в отношении Такны и Арики.

4. Реакция Боливии на Лимский договор 1929 года и Дополнительный протокол к нему (пункты 47–49)

В связи с трудностями, возникшими между Чили и Перу в ходе исполнения арбитражного решения 1925 года относительно условий плебисцита по Такне и Арике, предусмотренного в статье 3 Анконского договора, Чили и Перу договорились урегулировать вопрос о суверенитете над Такной и Арикой путем заключения договора, а не проведения плебисцита для определения суверенитета. 3 июня 1929 года Чили и Перу заключили Лимский договор, в котором они договорились о том, что суверенитет над территорией Такны принадлежит Перу, а над Арикой — Чили. В Дополнительном протоколе к этому договору Перу и Чили договорились, в частности, о следующем:

«Чили и Перу не уступят, без предварительного соглашения между собой, ни одной третьей державе полностью или частично территории, которые в

соответствии с настоящим Договором находятся под их соответствующим суверенитетом, и в отсутствие такого соглашения они не будут строить через эти территории никаких новых международных железнодорожных путей».

В меморандуме на имя государственного секретаря Соединенных Штатов Америки от 1 августа 1929 года после получения этого соглашения министр иностранных дел Боливии подтвердил, что это новое соглашение между Чили и Перу не приведет к отказу Боливии от ее «политики восстановления [своего] суверенитета на море».

5. *Обмен нотами 1950 года* (пункты 50–53)

В конце 1940-х годов Боливия и Чили провели дальнейшие обсуждения, касавшиеся доступа Боливии к морю. В частности, в ноте от 28 июня 1948 года посол Боливии в Чили сообщил министру иностранных дел Боливии о своем взаимодействии с президентом Чили г-ном Габриэлем Гонсалесом Виделой по поводу начала этих переговоров и приложил к ней проект протокола, содержащий предложение Боливии. В ноте от 1 июня 1950 года посол Боливии в Чили официально предложил министру иностранных дел Чили начать переговоры «для удовлетворения основополагающей потребности Боливии в получении собственного суверенного доступа к Тихому океану посредством решения проблемы отсутствия у Боливии выхода к морю на условиях, учитывающих взаимную выгоду и подлинные интересы обеих стран». В ноте от 20 июня 1950 года министр иностранных дел Чили ответил, что его правительство принимает предложение вступить в переговоры. Переговоры между Чили и Боливией в последующие годы не привели к какому-либо дальнейшему прогрессу.

6. *Меморандум Трукко 1961 года* (пункты 54–59)

В период 1951–1957 годов обмен мнениями между Сторонами был посвящен вопросу о совершенствовании процесса практического осуществления режима доступа Боливии к Тихому океану. 10 июля 1961 года, узнав о намерении Боливии поднять вопрос о ее доступе к Тихому океану на Межамериканской конференции, которая должна была состояться позднее в том году, посол Чили в Боливии г-н Мануэль Трукко вручил министру иностранных дел Боливии меморандум, известный как «Меморандум Трукко». В нем подчеркивалось, что Чили готово вступить в прямые переговоры, направленные на поиск формулы, которая позволила бы Боливии получить собственный суверенный доступ к Тихому океану, а Чили — компенсацию, не носящую территориального характера. В ответ на этот меморандум 9 февраля 1962 года Министерство иностранных дел Боливии выразило

«свое полное согласие как можно скорее начать прямые переговоры, направленные на удовлетворение основной национальной потребности в своем собственном суверенном доступе к Тихому океану в обмен на компенсацию, которая, не будучи территориальной по своему характеру, будет учитывать взаимные выгоды и фактические интересы обеих стран».

15 апреля 1962 года Боливия разорвала дипломатические отношения с Чили в результате использования этой страной вод реки Лаука. 27 марта 1963 года министр иностранных дел Чили заявил, что Чили «не желает вступать в обсуждения, которые могут повлиять на национальный суверенитет или повлечь за собой передачу какой-либо территории», и отрицает, что меморандум Трукко является «официальной нотой», подчеркнув, что это была всего лишь «памятная записка». 3 апреля 1963 года министр иностранных дел Боливии заявил, что обмен нотами 1950 года является свидетельством «обязательства»

Сторон; это утверждение было отвергнуто Чили в письме от 17 ноября 1963 года на имя министра иностранных дел Боливии.

7. *Чараньский процесс* (пункты 60–70)

8 февраля 1975 года в Чаранье президенты Боливии и Чили подписали Совместную декларацию, известную как Чараньская декларация, в которой они обязались продолжать диалог на различных уровнях в целях поиска путей решения жизненно важных вопросов, с которыми сталкиваются обе страны, включая ситуацию отсутствия у Боливии выхода к морю. По итогам диалога 26 августа 1975 года Боливия предложила руководящие принципы проведения переговоров. В декабре того же года Чили представило свое контрпредложение по руководящим принципам, которое включало условие территориального обмена. В результате обмена нотами от 28 июля и 11 августа 1976 года Чили и Боливия договорились о создании 18 ноября 1976 года постоянной комиссии смешанного состава «для обсуждения любых вопросов, представляющих общий интерес для обеих стран». На протяжении 1976 года Боливия подтверждала, что она готова рассмотреть вопрос о передаче некоторых районов своей территории в обмен на эквивалентную часть чилийской территории. 19 декабря 1975 года Чили спросило Перу, согласно ли оно с уступкой территории, обговаривавшейся между Боливией и Чили. В ноябре 1976 года Перу ответило контрпредложением о создании района, находящегося под трехсторонним суверенитетом, которое не было принято ни Чили, ни Боливией. Однако Перу отказалось изменить свою позицию по этому вопросу. 24 декабря 1976 года президент Боливии публично объявил, что он «предлагает правительству Чили изменить свое предложение, исключив условие, касающееся обмена территориями», если оно намерено продолжить переговоры. Тем не менее на протяжении 1977 года переговоры продолжались на основе обмена документами 1975 года. 10 июня 1977 года министры иностранных дел Боливии и Чили приняли Совместную декларацию, в которой подтвердили необходимость продолжения переговоров. В письме от 21 декабря 1977 года президент Боливии сообщил своему чилийскому коллеге, что для продолжения переговоров необходимо создать новые условия, чтобы достичь целей, поставленных в Чараньской декларации, в частности отказаться от условия территориального обмена и от предложения Перу о создании зоны общего суверенитета между тремя странами. В январе 1978 года Чили проинформировало Боливию о том, что руководящие принципы проведения переговоров, согласованные в декабре 1975 года, остаются основой для любых таких переговоров. 17 марта 1978 года Боливия сообщила Чили о решении приостановить дипломатические отношения между ними в связи с тем, что Чили не проявляет гибкость в отношении условий переговоров и не предпринимает усилия для получения согласия Перу на обмен территориями.

8. *Заявления Боливии и Чили в Организации американских государств и резолюции, принятые Организацией* (пункты 71–75)

6 августа 1975 года Постоянный совет Организации американских государств (далее — «ОАГ»), государствами-членами которой являются Боливия и Чили, принял консенсусом резолюцию CP/RES. 157, в которой заявлялось, что положение Боливии как страны, не имеющей выхода к морю, вызывает «озабоченность во всем полушарии» и что все американские государства предлагают свое сотрудничество в «поиске решений» в соответствии с принципами международного права и Уставом ОАГ. За этой резолюцией последовали 11 других резолюций, подтверждавших важность диалога и поиска путей решения морской проблемы Боливии и принятых Генеральной Ассамблеей ОАГ в 1979–1989 годах. Чили не голосовало ни за одну из этих 11 резолюций, но трижды не

возражало против консенсуса, выступая с заявлениями или разъяснениями в отношении содержания и правового статуса принятых резолюций.

9. *«Свежий подход» 1986–1987 годов (пункты 76–77)*

После президентских выборов в Боливии в июле 1985 года в рамках так называемого «свежего подхода» между Боливией и Чили были начаты новые переговоры. В ноябре 1986 года Генеральной ассамблее ОАГ был представлен доклад о возобновлении переговоров между Боливией и Чили. На встрече Боливии и Чили, состоявшейся 21–23 апреля 1987 года в Монтевидео (Уругвай), Боливия представила два альтернативных предложения по получению доступа к Тихому океану, предусматривавших передачу части чилийской территории. 9 июня 1987 года Чили отклонило оба предложения. 17 июня в Генеральной Ассамблее ОАГ представитель Боливии объявил о приостановлении двусторонних переговоров между двумя государствами из-за их неспособности достичь соглашения на основе предложений, выдвинутых ей в апреле 1987 года.

10. *Алгарвская декларация (2000 год) и Программа из 13 пунктов (2006 год)*
(пункты 78–83)

В 1995 году Стороны возобновили свои обсуждения. Они создали «Боливийско-Чилийский механизм политических консультаций» для решения двусторонних вопросов. 22 февраля 2000 года министры иностранных дел обеих стран опубликовали совместное коммюнике под названием «Алгарвская декларация», предусматривавшее рабочую программу, которая должна была включать «без каких-либо исключений важнейшие вопросы двусторонних отношений». С 2000 по 2003 год Стороны обсуждали вопрос о предоставлении Боливии со стороны Чили концессии на создание особой экономической зоны на первоначальный период в 50 лет, однако в конечном итоге этот проект был отвергнут Боливией. После различных обменов мнениями в 2005 и 2006 годах 17 июля 2006 года заместители министров иностранных дел Боливии и Чили публично обнародовали Программу из 13 пунктов, охватывавшую «все вопросы, касающиеся двусторонних отношений» между Сторонами, включая «морской вопрос» (пункт 6). Темы, включенные в Программу из 13 пунктов, в том числе морской вопрос, обсуждались на последующих совещаниях Боливийско-Чилийского механизма политических консультаций до 2010 года. В 2009 и 2010 годах Стороны обсудили вопрос о создании боливийского анклава на чилийском побережье. В январе 2011 года Стороны договорились продолжить обсуждения с учреждением Двунациональной комиссии высокого уровня. 7 февраля 2011 года министры иностранных дел Боливии и Чили приняли совместную декларацию, которая предусматривала следующее:

«Двунациональная комиссия высокого уровня рассмотрела ход выполнения Программы из 13 пунктов, особенно морской вопрос... Министры иностранных дел также наметили будущие проекты, которые, учитывая трепетное отношение обоих правительств к этому вопросу, будут направлены на достижение результатов в кратчайшие возможные сроки на основе конкретных, осуществимых и полезных предложений по всей программе».

17 февраля 2011 года президент Боливии просил представить «конкретное предложение к 23 марта [2011 года] ... в качестве основы для обсуждения». В ходе встречи 28 июля 2011 года президент Чили подтвердил своему боливийскому коллеге условия своего предложения, основанного на трех следующих условиях: соблюдение Мирного договора 1904 года, непредоставление суверенитета и изменение положения Конституции Боливии, касающегося права

Боливии на доступ к Тихому океану. С учетом расхождений во мнениях Сторон переговоры завершились.

II. Предварительные соображения (пункты 84–90)

Прежде чем рассмотреть правовые основания, на которые ссылается Боливия в связи с предполагаемым обязательством Чили договориться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану, Суд анализирует смысл и сферу охвата представлений Боливии. Суд напоминает, что в своих представлениях, которые остались неизменными со времени подачи заявления, Боливия просила Суд вынести решение и заявить, что «Чили обязано проводить переговоры с Боливией, с тем чтобы достичь соглашения, предусматривающего предоставление Боливии полного суверенного доступа к Тихому океану». Суд отмечает, что, хотя государства имеют право свободно прибегать к переговорам или прекращать их, они могут договориться о том, что они будут связаны обязательством вести переговоры. В этом случае международное право требует от государств начать переговоры и вести их добросовестно. Суд напоминает, что государства «обязаны вести себя таким образом, чтобы переговоры были целенаправленными, чего не произойдет в том случае, если любое из них будет настаивать на своей собственной позиции, не допуская возможности ее изменения». Каждое из них «должно разумно учитывать интересы друг друга».

Суд отмечает, что переговоры между государствами могут привести к достижению договоренности, которая разрешит их спор, но, как правило, «обязательство вести переговоры не подразумевает обязательства достичь соглашения». Обговаривая обязательство вести переговоры, стороны могут, как они это сделали, например, в статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия, предусмотреть «обязательство достичь конкретного результата». Представления, направленные Боливией, можно понимать как предусматривающие обязательство аналогичного характера. Как Суд отметил в своем решении от 24 сентября 2015 года по предварительному возражению Чили, «Боливия не просит Суд заявлять, что она имеет право на суверенный доступ к морю». Согласно утверждениям Боливии в направленных ею представлениях, Чили связано обязательством договариваться, «с тем чтобы достичь соглашения, предусматривающего предоставление Боливии полного суверенного доступа к Тихому океану». Суд напоминает, что в своем решении по предварительному возражению Чили Суд определил, что «предмет спора заключается в том, обязано ли Чили добросовестно проводить переговоры о суверенном доступе Боливии к Тихому океану». Как отметил Суд, это предполагаемое обязательство не включает в себя обязательство достичь соглашения по предмету спора.

Суд далее отмечает, что термин «суверенный доступ», используемый в представлениях Боливии, может привести к различным толкованиям. Отвечая на вопрос, заданный одним из членов Суда в конце слушаний по предварительному возражению Чили, Боливия определила суверенный доступ как означающий, что «Чили должно предоставить Боливии свой собственный суверенный доступ к морю в соответствии с международным правом». В своем ответе Боливия далее уточнила, что «суверенный доступ существует, когда государство не зависит ни от чего и ни от кого, чтобы пользоваться таким доступом» и что «суверенный доступ — это режим, обеспечивающий Боливии беспрепятственный выход к морю; условия этого доступа подпадают под исключительное управление и контроль Боливии, как в правовом, так и физическом отношении».

III. Предполагаемые правовые основания обязательства договориться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану (пункты 91–174)

Суд поясняет, что в международном праве наличие обязательства договариваться должно устанавливаться таким же образом, как и наличие любого другого правового обязательства. Переговоры являются частью обычной практики государств в их двусторонних и многосторонних отношениях. Однако тот факт, что тот или иной вопрос обсуждается в определенный момент времени, не является достаточным основанием для возникновения обязательства проводить переговоры. В частности, для возникновения обязательства проводить переговоры на основе соглашения, формулировки, используемые сторонами, предмет и условия переговоров должны свидетельствовать о намерении сторон связать себя правовыми обязательствами. Наличие этого намерения, в отсутствие четких формулировок, указывающих на наличие правового обязательства, может быть установлено на основе объективного изучения всех доказательств.

Суд отмечает, что Боливия ссылается на целый ряд правовых оснований, на которых, как утверждается, зиждется обязательство Чили договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Суд заявляет, что сначала он проанализирует вопрос о том, порождает ли какой-либо из документов, на которые ссылается заявитель, в частности двусторонние соглашения или заявления и другие односторонние акты, обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Затем Суд изучит, в случае необходимости, другие правовые основания, на которые ссылается заявитель, а именно молчаливое согласие, эстоппель и законные ожидания. Наконец, Суд рассмотрит, если это оправданно, аргументы, основанные на Уставе Организации Объединенных Наций и Уставе ОАГ.

1. Двусторонние соглашения (пункты 94–139)

Суд напоминает, что требование Боливии главным образом основывается на предполагаемом существовании одного или нескольких двусторонних соглашений, которые налагают на Чили обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Согласно Боливии, Стороны достигли нескольких соглашений, которые либо устанавливают, либо подтверждают обязательство Чили вести переговоры. Эти предполагаемые соглашения заключались в разные периоды времени и будут анализироваться отдельно в хронологическом порядке. Суд отмечает, что в соответствии с нормой международного обычного права, закрепленной в статье 3 Венской конвенции, «соглашения не в письменной форме» могут также иметь «юридическую силу». Независимо от формы, в которой могут заключаться соглашения, они требуют наличия у сторон намерения быть связанными правовыми обязательствами. Это относится и к молчаливому согласию. В этой связи Суд напоминает, что «доказательства существования молчаливого, имеющего юридическую силу согласия должны быть неопровержимыми».

A. Обмен дипломатическими документами в 1920-е годы (пункты 98–107)

Суд анализирует дипломатические документы, которыми обменивались стороны в 1920-х годах, в частности «Протокол», т. е. документ с записью встречи, состоявшейся в январе 1920 года между министром иностранных дел Боливии и полномочным посланником Чили в Ла-Пасе, а также последующие обмены мнениями по итогам этой встречи. Суд напоминает, что в деле *Делимитация морских пространств и территориальные вопросы между Катаром и Бахрейном* он постановил, что подписанный протокол обсуждения может

представлять собой соглашение, если в нем «перечисляются обязательства, на которые Стороны согласились», а не «просто дается отчет об обсуждениях и резюмируются точки соприкосновения и расхождения во мнениях». Суд отмечает, что в «Протоколе» не перечисляются никакие обязательства и даже не суммируются точки соприкосновения и расхождения во мнениях. Кроме того, в предпоследнем пункте этого протокола говорится, что, по заявлению министра иностранных дел Боливии, «настоящие заявления не содержат положений, порождающих права или обязанности для государств, чьи представители их делают». Полномочный посланник Чили не оспорил этот тезис. Таким образом, даже если бы Чили выступило с заявлением об обязательстве прибегнуть к переговорам, это не было бы частью соглашения между Сторонами. Суд далее отмечает, что обмена мнениями, состоявшиеся между Сторонами после «Протокола», также не свидетельствуют о наличии соглашения, на основании которого Чили взяло на себя обязательство вести переговоры о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

В. Обмен нотами 1950 года (пункты 108–119)

Далее Суд переходит к обмену между Сторонами дипломатическими нотами 1950 года по вопросу о доступе Боливии к морю, а также к меморандуму 1961 года посла Чили в Боливии г-на Мануэля Трукко, который был передан министру иностранных дел Боливии и назван сторонами «Меморандумом Трукко». В нем говорится, что ноты, которыми обменивались Стороны, не содержат одинаковых формулировок и не отражают идентичной позиции, в частности в отношении важнейшего вопроса о переговорах о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Таким образом, обмен нотами не может рассматриваться как международное соглашение. Суд отмечает также, что Меморандум Трукко не создает и не подтверждает никаких обязательств договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

С. Чараньская декларация 1975 года (пункты 120–127)

В отношении Совместной декларации, подписанной президентами Боливии и Чили в Чаранье 8 февраля 1975 года, Суд заявляет, что в тексте Декларации не говорится о существовании или подтверждении обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Договоренность «продолжать диалог на различных уровнях в целях поиска путей решения жизненно важных вопросов, с которыми сталкиваются обе страны, включая ситуацию отсутствия у Боливии выхода к морю» не может рассматриваться как правовое обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к морю, о котором даже конкретно не упоминается. Суд приходит к выводу, что из Чараньской декларации или заявлений, сделанных после принятия этого документа, не может вытекать обязательство Чили договариваться о суверенном доступе Боливии к морю.

Д. Коммюнике 1986 года (пункты 128–132)

Далее Суд рассматривает коммюнике, опубликованное министрами иностранных дел Боливии и Чили в ноябре 1986 года. Суд напоминает, что в деле *Континентальный шельф Эгейского моря (Греция против Турции)* он отметил, что «не существует нормы международного права, которая препятствовала бы тому, чтобы совместное коммюнике являлось международным соглашением» и что квалификация совместного коммюнике в качестве соглашения «существенно зависит от характера акта или договоренности, о которых говорится в коммюнике». Суд отмечает, что оба этих коммюнике являются отдельными документами, что в них используются разные формулировки и что, кроме того, ни

в одном из этих документов не содержится упоминания о суверенном доступе Боливии к морю. В любом случае Суд не находит ни в одном из этих коммюнике, на которые ссылается Боливия, ни в последующих действиях Сторон никаких признаков того, что Чили взяло на себя обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

E. Алгарвская декларация (2000 год) (пункты 133–135)

В отношении «Алгарвской декларации», принятой министрами иностранных дел Боливии и Чили 22 февраля 2000 года, Суд считает, что в ней не содержится договоренности, налагающей на Чили обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Суд приходит к такому же выводу в отношении совместного коммюнике, опубликованного президентами Боливии и Чили 1 сентября 2000 года.

F. Программа из 13 пунктов (2006 год) (пункты 136–139)

Далее Суд анализирует «Программу из 13 пунктов», составленную на заседании Боливийско-Чилийской рабочей группы по двусторонним отношениям в июле 2006 года и публично обнародованную заместителями министров иностранных дел Боливии и Чили. Он отмечает, что пункт «морской вопрос», включенный в Программу из 13 пунктов, является достаточно широкой темой, чтобы охватить вопрос о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. В той небольшой части текста протокола Рабочей группы, которая посвящена морскому вопросу, говорится лишь следующее: «обе делегации подготовили краткие отчеты о дискуссиях, которые они провели по этому вопросу за последние несколько дней, и согласились оставить этот вопрос на рассмотрение заместителей министров в ходе их встречи». Как отметил глава боливийской делегации на Генеральной ассамблее ОАГ, «Программа была задумана как выражение политической воли обеих стран включить морской вопрос». По мнению Суда, простое упоминание «морского вопроса» не влечет за собой обязательства Сторон вести переговоры в целом и тем более переговоры по конкретному вопросу о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

*

На основе анализа аргументов Сторон и представленных ими доказательств Суд приходит к выводу в отношении двусторонних документов, на которые ссылается Боливия, что эти документы не налагают на Чили обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

2. Заявления Чили и другие односторонние действия (пункты 140–148)

В отношении аргумента Боливии о том, что заявления и другие односторонние акты Чили создают обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану, Суд отмечает, что заявления и другие односторонние акты Чили, на которые опирается Боливия, выражаются не в форме принятия правового обязательства, а в готовности вступить в переговоры по вопросу о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Например, Чили заявило, что оно «готово стремиться к тому, чтобы Боливия получила свой собственный выход к морю» и «прислушаться к любому боливийскому предложению, направленному на регулирование ситуации отсутствия выхода к морю». В другом случае Чили заявило о своей «неизменной цели изучить совместно с этой братской страной в рамках откровенных и дружественных переговоров препятствия, которые ограничивают развитие Боливии в силу отсутствия у нее выхода к морю». Из данной формулировки не следует, что Чили взяло на себя правовое

обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Учитывая обстоятельства, касающиеся деклараций и заявлений Чили, Суд отмечает далее, что нет никаких доказательств намерения Чили взять на себя обязательство договариваться. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к морю не может основываться ни на одном из односторонних актов Чили, на которые ссылается Боливия.

3. *Молчаливое согласие* (пункты 149–152)

Далее Суд рассматривает утверждение Боливии о том, что Чили дало молчаливое согласие на переговоры о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Он отмечает, что Боливия не назвала ни одного заявления, требующего ответа или реакции со стороны Чили, с тем чтобы предотвратить возникновение обязательства. В частности, заявление Боливии при подписании Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву в отношении «переговоров о возвращении Боливии ее собственного суверенного выхода к Тихому океану» не подразумевает утверждения о наличии каких-либо связанных с этим обязательств для Чили. Таким образом, молчаливое согласие не может рассматриваться в качестве правовой основы обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к морю.

4. *Эстоппель* (пункты 153–159)

В отношении утверждения Боливии о том, что обязательство Чили договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану может быть основано на эстоппеле, Суд напоминает, что «существенно важными элементами, необходимыми для эстоппеля», являются «заявление или представление, сделанное одной стороной в адрес другой, и ссылка на него этой другой стороной в ущерб стороне, сделавшей его, или в ее пользу». Суд приходит к выводу, что в данном случае существенные условия, необходимые для эстоппеля, не выполнены. Хотя Чили неоднократно заявляло о своей готовности договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану, такие заявления не указывают на обязательство договариваться. Боливия не продемонстрировала, что она изменила свою позицию в ущерб или в пользу Чили, ссылаясь на представления Чили. Таким образом, эстоппель не может рассматриваться в качестве правовой основы обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к морю.

5. *Законные ожидания* (пункты 160–162)

Далее Суд рассматривает аргумент Боливии о том, что отрицание Чили своего обязательства договариваться и ее отказ от участия в дальнейших переговорах с Боливией «не оправдывают законных ожиданий Боливии». Суд отмечает, что ссылки на законные ожидания можно найти в арбитражных решениях, касающихся споров между иностранным инвестором и принимающим государством и применяющих договорные положения, предусматривающие справедливое и равноправное отношение. Из таких ссылок не следует, что в общем международном праве существует принцип, который породил бы обязательство на основе того, что можно было бы считать законным ожиданием. Поэтому аргументы Боливии, основанные на законных ожиданиях, не могут быть приняты.

6. *Пункт 3 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций и статья 3 Устава Организации американских государств* (пункты 163–167)

Суд далее рассматривает вопрос о том, может ли обязательство договариваться основываться на пункте 3 статьи 2 Устава Организации Объединенных

Наций или на статье 3 Устава ОАГ. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 3 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций «[в]се члены разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость». По мнению Суда, этот пункт устанавливает общую обязанность разрешать споры таким образом, чтобы сохранить международный мир и безопасность и справедливость, однако в этом положении нет никаких указаний на то, что стороны в споре должны прибегать к какому-либо конкретному методу урегулирования, в частности переговорам. Суд считает, что в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций на Чили не налагается обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. В отношении Устава ОАГ Суд напоминает, что его статья 3 i) предусматривает, что «споры международного характера, возникающие между двумя или более американскими государствами, разрешаются с помощью мирных процедур». Суд не считает также, что указанное положение может являться правовой основой обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

7. Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации американских государств (пункты 168–171)

Далее Суд переходит к аргументу Боливии о том, что в 11 резолюциях Генеральной Ассамблеи ОАГ, в которых рассматривался вопрос о ее суверенном доступе к Тихому океану, подтверждается обязательство Чили договариваться по этому вопросу. Он отмечает, что ни в одной из соответствующих резолюций не указано, что Чили обязано договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану. Эти резолюции лишь рекомендуют Боливии и Чили приступить к переговорам по этому вопросу. Кроме того, как признают обе стороны, резолюции Генеральной ассамблеи ОАГ сами по себе не имеют обязательной силы и не могут служить источником международного обязательства. Поэтому присоединение Чили к консенсусу в отношении принятия некоторых резолюций не означает, что Чили согласилось быть связанной положениями этих резолюций по международному праву. Таким образом, Суд не может заключить ни из содержания этих резолюций, ни из позиции Чили в отношении их принятия о том, что Чили приняло на себя обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

8. Правовое значение документов, актов и действий в совокупности (пункты 172–174)

Наконец, Суд рассматривает аргумент Боливии о том, что даже если ни из одного документа, акта или действия при рассмотрении их в индивидуальном порядке не вытекает обязательство договариваться о ее суверенном доступе к Тихому океану, то все эти элементы в совокупности могут иметь «решающее значение» для существования такого обязательства. Суд отмечает, что аргумент Боливии о совокупном эффекте последовательных актов Чили основывается на предположении о том, что обязательство может возникнуть в результате совокупного эффекта ряда актов, даже если оно не имеет конкретной правовой основы. Однако, поскольку анализ, проведенный Судом, свидетельствует об отсутствии для Чили обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану, которое вытекало бы из какого-либо отдельно взятого упомянутого правового основания, то совокупный учет различных оснований не может повлиять на общий результат. Суду нет необходимости рассматривать вопрос о том, существовала ли преемственность в обмене мнениями между Сторонами, поскольку этот факт, если он будет доказан, ни в коем случае не будет

свидетельствовать о наличии обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

IV. Общий вывод о существовании обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану (пункты 175–176)

Суд отмечает, что Боливия и Чили имеют долгую историю диалога, обмен документами и переговоров, направленных на поиск надлежащего урегулирования ситуации отсутствия у Боливии выхода к морю, в период после Тихоокеанской войны и Мирного договора 1904 года. Однако Суд на основе представленных ему материалов не может сделать вывод о наличии у Чили «обязательства договариваться с Боливией, с тем чтобы достичь соглашения, предусматривающего предоставление Боливии полного суверенного доступа к Тихому океану». Соответственно, Суд не может принять другие заключительные представления, направленные Боливией и основанные на существовании такого обязательства, в частности просьбу о том, чтобы Суд вынес решение и заявил, что Чили нарушило это обязательство и что Чили должно выполнить это обязательство добросовестно, оперативно, официально, в пределах разумного срока и эффективно. Суд добавляет, что его вывод не следует понимать как препятствие для продолжения Сторонами их диалога и обмена мнениями в духе добрососедства в целях решения вопросов, которые связаны с положением Боливии как страны, не имеющей выхода к морю, и в урегулировании которых обе признали взаимную заинтересованность. При желании обеих Сторон конструктивные переговоры могут состояться.

Постановляющая часть (пункт 177)

Суд

1) двенадцатью голосами против трех

заключает, что Республика Чили не брала на себя юридического обязательства договариваться о суверенном доступе Многонационального Государства Боливия к Тихому океану;

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Геворгян; судья *ad hoc* Макрей;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Робинсон, Салам; судья *ad hoc* Доде;

2) двенадцатью голосами против трех

отклоняет соответственно другие заключительные представления, направленные Многонациональным Государством Боливия.

ГОЛОСОВАЛИ ЗА: Председатель Юсуф; Вице-Председатель Сюэ; судьи Томка, Абраам, Беннуна, Кансаду Триндади, Донохью, Гая, Себутинде, Бхандари, Геворгян; судья *ad hoc* Макрей;

ГОЛОСОВАЛИ ПРОТИВ: судьи Робинсон, Салам; судья *ad hoc* Доде.

*

Председатель Юсуф прилагает к решению Суда заявление; судьи Робинсон и Салам прилагают к решению Суда особые мнения; судья *ad hoc* Доде прилагает к решению Суда особое мнение.

*

* *

Заявление Председателя Юсуфа

1. Председатель Юсуф согласен с решением Суда по существу, которое привело Суд к вынесению своего распоряжения. Тем не менее, по его мнению, предыстория и обстоятельства настоящего спора требуют некоторых замечаний.
2. Обязательство договариваться, как и любое другое обязательство по международному праву, может вытекать только из имеющей обязательную силу договоренности, принятой стороной в контексте двустороннего соглашения или в качестве одностороннего акта. На основе доказательств, представленных Сторонами, Суд не смог прийти к выводу о том, что Чили взяло на себя юридическое обязательство договориться о «суверенном доступе» Боливии к Тихому океану.
3. Это, однако, не может положить конец вопросам, по которым Стороны расходятся во мнениях, или устранить все неопределенности, влияющие на их отношения. Действительно, право не может охватывать все аспекты споров или реалии всех видов отношений между государствами. Существуют определенные различия или расхождения во мнениях между государствами, по своей природе не поддающиеся судебному урегулированию путем применения норм права.
4. В подобных обстоятельствах Суд считает уместным обратить внимание Сторон на возможность начать или продолжить изучение других способов урегулирования их спора в интересах мира и согласия между ними (см. пункт 176 решения).
5. По словам Председателя Юсуфа, это означает, что Суд сделал все возможное со своей стороны как суд, но он осознает тот факт, что отношения между государствами не могут ограничиваться их исключительно правовыми аспектами и что некоторые споры могут быть с пользой разрешены с помощью других средств, которые могут быть доступны сторонам. В этой связи работа Суда способствует мирному урегулированию споров за пределами сугубо правовых рамок.

Особое мнение судьи Робинсона

В указанном мнении судья Робинсон объясняет, почему он проголосовал против вывода Суда о том, что Республика Чили не брала на себя правовое обязательство договориться о суверенном доступе Многонационального Государства Боливия к Тихому океану, и отклонения Судом других заключительных представлений Боливии.

Судья Робинсон счел, что из Меморандума Трукко, а также ответа Боливии и Чараньских деклараций вытекает правовое обязательство Чили договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихоокеанскому региону.

По его мнению, эти два комплекта документов образуют договоры по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров, обязывая Чили договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

С его точки зрения, в данном случае чрезвычайно важным является вопрос о том, можно ли на основе обмена документами между Сторонами сделать вывод о намерении связать себя правовыми обязательствами по международному праву. Для судьи Робинсона важно намерение Сторон быть связанными обязательствами по международному праву, что объективно устанавливается из текста, а также контекста, или то, что Суд охарактеризовал в деле об *Эгейском море* как «особые обстоятельства, при которых составлялся [конкретный документ]».

Для судьи Робинсона выражение готовности к переговорам может принять характер правового обязательства, если конкретные обстоятельства или

контекст, в котором используются формулировки, свидетельствуют о намерении быть связанными правовыми обязательствами.

Он не согласен с подходом большинства к Нотам 1950 года по нижеследующим причинам. Большинство не провело какого-либо содержательного анализа содержания Нот 1950 года, ни «конкретных обстоятельств» или контекста, в котором они были составлены, с тем чтобы установить, образуют ли Ноты договор по смыслу статьи 2 1) *a*) Венской конвенции о праве международных договоров. Соглашаясь с тем, что Ноты 1950 года не имеют обязательной силы, он делает это потому, что Боливия не приняла предложение Чили о компенсации нетерриториального характера, а не потому, что они не являются обменом нотами по смыслу статьи 13 Конвенции. Дипломатические ноты 1950 года не образуют договора не потому, что они не отвечают требованиям традиционного обмена нотами, а скорее потому, что вследствие непринятия Боливией встречного предложения Чили в них отсутствует существенный компонент для заключения договора, а именно консенсус *ad idem*, или взаимная договоренность Сторон в отношении содержания их обязательств.

В отношении же Меморандума Трукко и ответа Боливии судья Робинсон отмечает, что большинство уделило мало времени анализу Меморандума Трукко и, по сути, совсем не проанализировало ответ Боливии. Далее судья Робинсон изучает содержание и конкретные обстоятельства, при которых они были составлены. По его мнению, в Меморандуме Трукко и ответе Боливии намерение сторон связать себя юридическими обязательствами подтверждается, в частности, следующими факторами:

- i) значение, которое обе Стороны придают формальности переговоров;
- ii) определение Сторонами четкой цели переговоров, а именно поиск формулы, которая обеспечила бы Боливии суверенный доступ к Тихому океану;
- iii) приверженность Сторон «прямым переговорам», то есть переговорам без участия международных или региональных органов;
- iv) принятие фразы «суверенный доступ», имеющей определенную смысловую нагрузку и впервые использованной в 1950 году в Нотах, указывает на то, что Чили рассматривало возможность передачи территории Боливии для этой цели;
- v) с принятием Боливией настоятельного требования Чили относительно компенсации нетерриториального характера Стороны договорились о наиболее важном элементе переговоров, а именно о поиске формулы, которая позволила бы Боливии получить суверенный доступ к Тихому океану в обмен на компенсацию нетерриториального характера для Чили.

По его мнению, Меморандум Трукко нельзя рассматривать изолированно. Его следует рассматривать в совокупности с ответом Боливии. Поэтому, не проанализировав ответ Боливии, большинство проигнорировало совершенно новый элемент принятия Боливией требования о компенсации и тот факт, что этот ответ мог привести к возникновению для Чили правового обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

Поэтому судья Робинсон приходит к выводу, что Меморандум Трукко от 10 июля 1961 года и ответ Боливии от 9 февраля 1962 года являются двумя взаимосвязанными документами, в которых Стороны заявили о своем намерении быть связанными правовыми обязательствами, и поэтому представляют собой договор по смыслу статьи 2 1) *a*) Венской конвенции; если говорить точнее, то они являются двумя документами, в которых Чили взяло на себя правовое обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

Судья Робинсон приходит к выводу, что в соответствии с Чараньскими декларациями 1975 и 1977 годов Чили взяло на себя обязательство договариваться о суверенном доступе Боливии к Тихому океану.

Судья Робинсон считает, что обязательство, принятое Чили, касается поиска формулы или решения, которое позволит Боливии получить суверенный доступ к Тихому океану.

Обмены документами между Сторонами в период 1962–2011 годов свидетельствуют о том, что Чили не выполнило свое обязательство и оно продолжает существовать до сих пор.

Следовательно, Суд должен был удовлетворить просьбу Боливии сделать заявление о том, что Чили несет правовое обязательство вести прямые переговоры с Боливией в целях поиска формулы или решения, которое позволит Боливии получить суверенный доступ к Тихому океану.

Особое мнение судьи Салама

В своем особом мнении судья Салам выражает свое несогласие с решением Суда по ключевым аспектам проведенного им анализа ряда документов, представленных Сторонами.

В первую очередь отметив, что обмен письмами может представлять собой международное соглашение, которое приводит к возникновению прав и обязанностей сторон, он отмечает, что Ноты, которыми обменялись в 1950 году посол Боливии в Чили и министр иностранных дел Чили, были составлены лицами, уполномоченными связывать свои государства обязательствами. По его мнению, в Ноте Чили были воспроизведены основные формулировки договоренности, предложенной Боливией, а именно «официально вступить в прямые переговоры» по вопросу о предоставлении Боливии суверенного доступа к Тихому океану с целью извлечения обеими сторонами «взаимной выгоды». Судья Салам также обращает внимание на причину, лежащую в основе обязательства Чили, и считает, что эти аспекты должны были побудить Суд истолковать обмен нотами как обязательство вести переговоры между сторонами.

Он добавляет, что такое толкование подтверждается последующей практикой Сторон и, в частности, ссылкой на Ноту посла Чили в Ла-Пасе от 20 июня 1950 года, содержащуюся в Меморандуме от 10 июля 1961 года на имя министра иностранных дел Боливии. В этом меморандуме Чили заявляет, что оно по-прежнему «готово... рассмотреть непосредственно с Боливией возможность удовлетворения устремлений последней». В своем ответе Боливия выражает «полное согласие как можно скорее начать прямые переговоры, направленные на удовлетворение основной национальной потребности в ее собственном суверенном доступе к Тихому океану». Судья Салам приходит к выводу, что с учетом используемых формулировок и контекста, в котором были составлены эти ноты, данный обмен следует толковать как возобновление соглашения Сторон 1950 года о проведении переговоров.

Далее судья Салам отмечает, что обязательство Чили договариваться с Боливией об урегулировании ее ситуации отсутствия выхода к морю также подтверждается односторонними заявлениями Чили. Он, в частности, ссылается на письмо президента Чили своему боливийскому коллеге, в котором он пишет о намерении его правительства «содействовать текущим переговорам, направленным на удовлетворение стремлений братской страны получить суверенный выход к Тихому океану». Напоминая, что заявления в форме односторонних актов могут повлечь за собой возникновение правовых обязательств в тех случаях, когда лицо, делающее заявление, уполномочено связывать государство

обязательствами, судья Салам считает, что эти слова недвусмысленно отражают намерение Чили выполнить свое обязательство по ведению переговоров с Боливией.

Так, по мнению судьи Салама, акты, последовавшие за обменом Нотами 1950 года, включая Меморандум Трукко, Чараньскую декларацию, письмо президента Чили от 18 января 1978 года на имя президента Боливии и участие Чили в последующих раундах переговоров (в частности, период применения так называемого «свежего подхода», создание в начале 1990-х годов Чилийско-Боливийского механизма политических консультаций, Программа из 13 пунктов, принятая в июле 2006 года, и учреждение в 2011 году двунациональной комиссии для переговоров на уровне министров), образуют комплекс мер, исходя из которых можно сделать обоснованный вывод о том, что Чили и Боливия были связаны непрерывным обязательством вести переговоры по вопросу предоставления Боливии суверенного доступа к Тихому океану. Он добавляет, что неудавшийся раунд переговоров сам по себе не является достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о прекращении такого обязательства.

Однако судья Салам приходит к такому выводу без ссылки на принципы эстоппеля, молчаливого согласия и законных ожиданий, поскольку не считает, что в данном деле были выполнены условия для их применения.

Наконец, судья Салам рассматривает характер и сферу действия принятого обязательства и напоминает, что оно носит ограниченный характер и не может быть обязательством результата, как часто заявляет Боливия.

Особое мнение судьи ad hoc Доде

Суд не поддержал ни одно из оснований, которые, по утверждению Заявителя, могли бы привести к возникновению для Чили обязательства договариваться о суверенном доступе Боливии к морю. Тем не менее в своем особом мнении судья ad hoc Доде считает, что, по крайней мере, три элемента должны были рассматриваться как образующие такое обязательство, а именно «Протокол» 1920 года, обмен Нотами 1950 года и Чараньский процесс 1975–1978 годов, каждый из которых он рассматривает поочередно. Однако он согласен с выводом Суда о том, что ссылка Боливии на другие элементы, а также на эстоппель и принцип законных ожиданий не может быть принята.

В более общем плане судья ad hoc Доде придерживается мнения о том, что основной правовой аспект решения Суда касается сохранения целостности правового характера международных переговоров, что, по мнению Суда, «является частью обычной практики государств в их двусторонних и многосторонних отношениях». Стремление сохранить эту целостность лежит в основе позиции Суда о том, что государство нельзя принудить к участию в международных переговорах, которые не вытекают из соответствующего правового обязательства, а являются лишь результатом политического выбора.

Судья ad hoc Доде считает, что, применяя этот принцип к рассматриваемому делу, Суд не уделил должного внимания контекстуализации правовой нормы, не приняв во внимание совокупный эффект последовательных элементов, на которые ссылается Боливия, и не проведя слишком жесткого различия между правовыми обязательствами и моральными, политическими и дипломатическими обязательствами. Значительная часть текста его особого мнения посвящена изучению того, как, напротив, взятые в совокупности, правовые элементы могут иметь правовые последствия.

В отношении моральных аспектов судья ad hoc Доде считает, что они не были удовлетворительным образом учтены посредством более тщательного

рассмотрения последствий применения принципа добросовестности, который является еще одним основополагающим компонентом международных переговоров. Судья *ad hoc* Доде отмечает, что в некоторых ситуациях правовые нормы и моральные нормы совпадают, что естественно лишь в системе права, включающей принципы, которые сами вытекают из моральных норм. Хотя простое намерение договариваться не является обязательством, судья *ad hoc* Доде задается вопросом, не размывается ли грань между моральным намерением и правовым обязательством в том случае, когда такое намерение повторяется годами и зачастую старшими должностными лицами государства.

Судья *ad hoc* Доде добавляет, что было бы, несомненно, полезно дополнительно прояснить степень неопределенности, касающейся позиции Боливии в отношении характера обязательства договариваться — понятия, которое, помимо прочего, имеет конкретные особенности и вызывает вопросы.

Наконец, судья *ad hoc* Доде приветствует тот факт, что в последнем пункте своего решения Суд не подводит черты под вопросом о суверенном доступе Боливии к морю, заявляя, что его решение следует понимать как означающее, что Стороны могут продолжать переговоры по вопросу, который, как они обе признали, представляет взаимный интерес, и тем самым положить конец этому спору.